

числе 54% в крупных городах) требуют нового передела собственности и наказания владельцев «неправедно нажитых состояний», 52% (47% в крупных городах) считают, что нынешнее бедственное положение страны стало результатом сознательных действий ее «врагов» (олигархов, банкиров, финансовых спекулянтов и т. д.), которые также должны понести наказание. «Партия власти» в ее новой конфигурации, которая неизбежно сформируется в ближайшие год-два, будет вынуждена считаться с этими настроениями.

Представляется, что новая конфигурация политических сил в период после 1999—2000 гг. будет ориентироваться именно на этот *новый общественный консенсус*: левоцентристское — центристское ядро (умеренно «государственнический» курс на основе «национал-центристского большинства»), однако вероятные попытки создания режима мобилизационного типа (в случае возникновения трудноразрешимых экономических или внешнеполитических проблем) могут снова вызвать существенный раскол общества.

Примечания

¹ Независимая газ. — 1998. — 4 мая.

² Бромлей Ю. К вопросу об особенностях влияния культурной среды на психику // Совет. этнография. — 1983. — № 3. — С. 71.

³ Заславская Т. И. Стратификация современного российского общества // Экон. и соц. перемены: мониторинг обществ. мнения. — 1996. — № 1. — С. 12.

⁴ Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. — М.: РОССПЭН, 1999. — С. 115.

⁵ Там же.

⁶ НГ-Сценарии. — 1997. — № 1.

⁷ Полосин В. Архетип и мифология // Золотой лев. — 1998. — № 4. — С. 23—31.

⁸ Там же.

⁹ См.: Рос. монитор. — 1992. — № 1.

¹⁰ Независимая газ. — 1997. — 25—26 июня.

¹¹ См., например: Савельев А. Ценностное пространство кризисного социума // Полития. — 1997. — № 1. — С. 55.

¹² НГ-Сценарии. — 1997. — № 2.

¹³ Независимая газ. — 1996. — 7 сент.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ростислав ТУРОВСКИЙ

Введение

Характерной чертой посткоммунистической трансформации советского общества стало формирование регионального самосознания. При этом определились две противоположные тенденции. С одной стороны постепенно, с большим трудом складывается российская общегражданская идентичность со своим набором консенсусных ценностей. С другой стороны, происходит регионализация общественного сознания, которая стала реакцией на кризис общенациональной идентичности, возникший в результате распада СССР. Этот процесс по-разному толкуется современными исследователями. Одни считают, что региональные ценности наряду с этнонациональными замещают в общественном сознании комплекс ценностей советского периода. Как правило, регионализация воспринимается ими как временное явление, характерное для переходного периода модернизации постсоветского общества. Другие видят за ней глобальный процесс, ссылаясь на то, что возрождение регионального самосознания активно идет и в европейских странах, где на месте национальных государств формируется объединенная, но многообразная и полицентричная «Европа регионов».

Тема региональной идентичности в современной России недостаточно исследована. Отсутствие точных данных о соотношении региональных, национальных и общегражданских ценностей в сознании россиян и тем более о межрегиональных различиях по этому показателю приводит некоторых исследователей к попыткам отрицать существование самого феномена. Его наличие безусловно признается в национальных республиках, где региональная идентичность является «довеском» к национальной и прева-

лирует над общероссийской. В то же время ситуация в русских районах остается неясной. Распространены представления о том, что русский народ не имеет своей географии, что этнографические различия между районами страны незначительны, полностью стерты и никогда не смогут возродиться. Однако события последних лет, в особенности 1996—1998 гг., показывают, что в русских регионах тоже происходит рост самосознания. Если раньше это явление целиком и полностью ассоциировалось с республиками, то сейчас процесс постепенно захватывает русские территории России.

Зримым доказательством этого становится обострение отношений по линии «Центр — провинция». Эти отношения всегда были непростыми и даже конфликтными, но сейчас между Москвой и остальной Россией нарастают экономические и политико-культурные противоречия системного характера. Появились различия не только в уровне и качестве жизни, но и в сфере систем ценностей, проявляющиеся в типах политического поведения и голосования. В стране усиливаются антимосковские настроения, в то время как провинция все чаще пытается обрести, доказать самой себе и всем остальным свою самость. Появилась своеобразная «провинциальная идентичность»: провинция считает себя настоящей, коренной Россией и отрицает за Москвой право называться Россией, русским городом. *Раскол «Москва — провинция» за последние годы углубился, и не случайно многие исследователи говорят о появлении особого «московского субэтнуса» в результате культурной трансформации москвичей, утративших связь с остальной Россией.* Углубление этого раскола стало предпосылкой для развития регионализма и автономизма, затронувшего русские регионы.

Однако провинция тоже неоднородна. Здесь проживает подавляющее большинство россиян, и существуют свои внутренние разломы, которые формировались на протяжении веков. Вопрос о наличии у русских регионального самосознания является дискуссионным. Если по поводу москвичей сложилось мнение, что они представляют собой особую общность, то в отношении остальной России существуют различные точки зрения. Есть крайняя позиция, заключающаяся в том, что русским присуща «аспатиальность» (от греч. «а-» — отрицательная частица, и англ. «space» — пространство), что они не чувствуют пространства и его дифференциации (точка зрения политико-географа Л. Смирнягина¹). Это приводит

к отрицанию существенных региональных различий между русскими.

Но исследования многих ученых, в том числе и автора данной статьи, показывают, что у русских, как и у других народов, существует определенное сочетание региональных и общенациональных ценностей. *В русской идентичности несомненно присутствует региональная составляющая, хотя и более слабая, чем у других народов.* Проблема в том, что культурные границы между различными русскими ареалами сильно размыты, и в России практически отсутствует характерный для большинства европейских государств феномен исторических (культурных) провинций — сформировавшихся много веков назад, компактных, с определенными границами, центрами, символами и ярко выраженным самосознанием. За годы советской власти культурные различия между территориями стали еще на порядок меньше, чем до революции. Однако исходная размытость культурных границ и их дальнейшее стирание в XX в. не означают отсутствия самого феномена региональной идентичности.

Региональное самосознание не является новым феноменом в российской истории. Межрегиональные различия политико-культурного характера сглаживались и подавлялись в Российской империи и СССР, стирались в результате новейших миграционных процессов, но они не были уничтожены, и в провинции всегда существовали центры культурогенеза (не всегда заметные и принимаемые во внимание Центром, но такова уж специфика России и менталитета столичных ученых). В результате перестроечных процессов очевидными стали:

- деградация и дискредитация унитарной модели государственного устройства;
- падение политической дееспособности Центра и соответственно развитие региональной инициативы;
- постепенная делегитимация Москвы как российской столицы и центра русской культуры.

Результатом стало частичное возрождение регионального самосознания в его традиционных формах (например, казачество). Появились новые формы регионального самосознания (например, идентичность российских республик).

Региональная идентичность становится в нашей стране важным объектом исследования. Появляются работы, посвященные иссле-

дованию особенностей политической культуры в регионах. Процесс возрождения регионального самосознания был стимулирован особенностями политического развития перестроечной и постсоветской России. Прежде всего речь идет о развитии в России федеративных отношений, которые были искусственно навязаны обществу элитой (поскольку являлись уступкой Центра национальным элитам республик), но через определенное время стали политической реальностью при всем несовершенстве и аморфности Российской Федерации как государственной системы. Результатом стало превращение административных единиц в полугосударственные образования — субъекты Федерации.

Феномен постсоветского регионального самосознания возник в национальных республиках, которые в 1990—1991 гг. провозгласили суверенитет и стали восприниматься как форма национальной государственности. В результате в республиках стала формироваться своя идентичность, отличная от российской. Представители титульного этноса стали считать первичной и определяющей свою принадлежность именно к республике, а уже потом к России. *В дополнение к расколу «Центр — провинция» появился новый раскол «Центр — национальные республики», причем в каждой республике сформировалась собственная идентичность.*

Усиление сепаратистских и автономистских тенденций в республиках стимулировало похожий, хотя и более слабый процесс в краях и областях. Борьба за повышение политического статуса краев и областей, за равноправие субъектов Федерации (что подразумевало повышение статуса краев и областей) привела к развитию регионального самосознания в русских регионах России и усилению автономистских тенденций в местных элитах. Таким образом, *в 90-е годы начался процесс «разъедания» общенациональной идентичности, который захватил не только республики (где региональная идентичность сочеталась с национальной), но и русские регионы.*

Значимость регионализации общественного сознания в России пока не следует преувеличивать. Можно говорить о формировании особой идентичности в Москве и национальных автономиях, тогда как основная часть российской территории и большинство населения на первый взгляд сохраняют свою «аспатиальность». Однако такие очевидные процессы, как рост региональной автаркии, распад единого экономического пространства, резкое снижение территориальной мобильности из-за высоких транспортных

тарифов и цен на билеты, способствуют обособлению регионов. Федеративная модель отношений между Центром и регионами сама по себе служит еще одним мощным стимулом.

Исследование рассматриваемого процесса может быть только комплексным, использующим различные подходы. Данные позитивистской социологии не позволяют отследить его целиком и спрогнозировать тенденции. Поэтому при анализе процессов развития регионального самосознания в современной России необходимо использовать четыре подхода:

культурологический (процессы современного культурогенеза в российских регионах и их политические последствия);

политологический включая этнополитологический (региональный политический процесс, его специфика и значение для общенационального политического процесса, соотношение регионального и общенационального в российской политике);

электорально-географический (выявление политико-идеологических, ценностных различий между регионами с помощью анализа географии выборов);

социологический (анализ соотношения регионального и общенационального в представлениях россиян в различных регионах).

Факторы и результаты развития региональной идентичности

В России сложилась объективная географическая основа для развития региональной идентичности. Точнее, нужно говорить о трех основах — этноконфессиональной, лингвистической и политико-исторической дифференциации российской территории. Свою роль играют и социально-экономические различия между регионами.

Говорить о сложности этнической карты России давно уже стало общим местом. Превращение России в многонациональное государство актуализировало проблему соотношения этнической и общегосударственной идентификации. В императорской России эта проблема решалась с признанием народами России своего имперского подданства: у многих народов еще не было сформировавшейся идентичности, другие стали носителями двойной идентичности — этнической и российской.

В советское время государство пошло на политические уступки «национальным окраинам», вводя институт национально-терри-

ториальной автономии и стимулируя развитие национального самосознания (многие народы России сложились только в XX в. после «априорного» создания автономий). В результате уже в первые годы существования СССР возникли своеобразные «политические плацдармы» для развития регионального самосознания. На территории РСФСР это были автономные республики, области и округа, в которых складывалась «матрешечная» идентичность — принадлежность к СССР, принадлежность к России и принадлежность к национально-территориальному образованию (в автономных областях и округах добавлялась еще и принадлежность к краю или области России). Значимость региональной идентификации оказывалась в целом небольшой, она была как бы скрыта под многими одеждами, но предпосылки для ее развития были заложены, поскольку политическая автономизация по определению предполагает особое самосознание ее субъекта.

Поэтому именно национально-территориальные автономии стали в современной России «пионерами» в деле развития региональной идентичности. Титульные народы стали воспринимать свои политические образования как «государства в государстве», форму национальной государственности. Местные элиты всячески этому способствовали. В результате процессы суверенизации и национального возрождения стимулировали самоопределение жителей республик в отношении приоритетных и вторичных форм идентичности. Приоритетной, разумеется, оказалась местная идентичность (см. ниже), российская — в лучшем случае вторичной. *Таким образом, этноконфессиональный фактор стал основным для развития регионального самосознания. Многонациональность России стимулировала ее современную регионализацию.*

Менее изучен вопрос о русском региональном самосознании, которому мы уделим особое внимание. Исходная культурная дифференциация русской территории обычно определяется с помощью данных лингвистическо-географических исследований. Причем различия между русскими диалектными группами проявляются в бытовой культуре, обычаях и т. д., иными словами, речь по сути идет о субэтнических группах².

Основным может считаться деление русских на северных и южных великороссов. Ареал распространения северного наречия включает территории Архангельской, Вологодской, Костромской, Кировской областей, Карелии, частично Ленинградской, Новго-

родской, Тверской и Ярославской областей³. Эти территории и составляют Русский Север. Южное наречие распространено в Смоленской, Калужской, Брянской, Тульской, Орловской, Курской, Белгородской, Рязанской, Липецкой, Тамбовской, Воронежской областях (Русский Юг).

Между Севером и Югом протянулась обширная среднерусская переходная зона, в которую включают основную часть Псковской, Новгородской, Тверской, Ярославской, Московской, Владимирской, Ивановской, Нижегородской, Пензенской областей. Северные великороссы преобладают также в Поволжье (кроме некоторых районов Средней Волги), на Урале и в Западной Сибири, южные — на Северном Кавказе. Смешанное население характерно для Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Однако в современной России нельзя говорить о ярко выраженном делении русского этноса на северный и южный субэтноты. Между основными ареалами нет даже четко выраженной границы, а есть огромная переходная зона. Современные культурные и миграционные процессы привели к нивелированию различий. Произошло фактическое уничтожение традиционных говоров, от которых остались лишь рудименты (типа оканья и аканья). Сегодня лингвистические различия между северными и южными великороссами можно обнаружить лишь в глухих деревнях. Но различия между северянами и южанами глубже. Они включают специфику национальной психологии, которая весьма устойчива, определяется местными культурными ценностями и образом жизни. *Поэтому разлом «Север — Юг» остается значимым для современной России и русского этноса, несмотря на сглаживание лингвистических различий.*

Кроме того, выделяются особые субэтнические группы, которые в ряде случаев сохранились до сих пор или пытаются возродить свои традиции. Прежде всего это казаки, главными ареалами расселения которых остаются Ростовская область и Краснодарский край (причем казачество неоднородно, в его составе, в частности, выделяется распространенная на северо-западе Краснодарского края очень характерная группа кубанских казаков с украинскими корнями). Выделяются и другие особые субэтнические группы. Среди северных великороссов это поморы, живущие в Архангельской, Мурманской областях и Карелии. В Восточной Сибири сохраняются семейские русские — потомки старообрядцев (Читин-

ская область и Бурятия), в Западной — старообрядцы-каменщики (Горный Алтай). В северных районах Сибири и Дальнего Востока имеются анклавные группы марковцев и русскоустинцев. От прочих субэтнических групп остались только воспоминания (полехи, саяны, цуканы и др.).

В одной из работ автор данной статьи провел и обосновал культурно-ландшафтное районирование Русского культурного мира, пытаясь с помощью комплексного подхода вскрыть его дифференциацию по этноконфессиональному, лингвистическому, политико-историческому, природному и другим признакам⁴. Ядро Русского мира (территории, где русское население составляет свыше 80%) делится на 21 край — Северный, Северо-Западный, Петербургский, Юго-Западный, Центральный, Южный, Поволжский, Нижневолжский, Предкавказский, Кавказский, Уральский, Южно-уральский, Западно-сибирский, Алтайский, Северосибирский, Восточно-сибирский, Амурско-Приморский, Дальневосточный, Северо-Восточный, Арктический и Полярный. Эти образования являются основными культурными ареалами, на которые делится территория проживания русского народа. *Каждый такой ареал является перспективной «площадкой» для формирования собственной идентичности.*

Как уже отмечалось, в XX в. произошло сглаживание лингвистических и конфессиональных различий внутри русского этноса. Реально сохранились лишь небольшие «оазисы», отдаленные села, где берегаются языковые и религиозные традиции. Границы между культурными ареалами стали еще более размытыми, субэтносы за редкими исключениями растворились в общерусском котле. Тем не менее пока рано говорить о полном стирании культурных границ. Период «стирания» завершился в 80-х годах, и в настоящее время мы наблюдаем, как восстанавливаются различия между субэтническими группами, происходит медленное возрождение старой и, казалось бы, давно ушедшей в прошлое культурно-географической основы. Правда, не наблюдается сознательной консолидации основных русских субэтносов — северного и южного. Объединяющее начало здесь пока отсутствует, как отсутствует и самоидентификация (она есть разве что у части северян, где лучше сохранились национальные традиции и самосознание).

Главная проблема русской региональной идентичности в современном виде — ее привязка. Здесь возможны три варианта:

1. Привязка к субэтническим (лингвистическим) группам. *Культурно-провинциальная идентификация* актуальна для отчетливо выделяющихся групп, сохранивших свою самость (казаки, семейские, отчасти поморы), но пока не актуальна для северных и южных великороссов, а тем более для жителей среднерусской полосы (в силу размытости и больших размеров ареалов, утраты традиций). В целом ее значимость остается небольшой.

2. Привязка к крупным географическим ареалам — *физико-географическая идентификация*. В географии говорят об «обыденных районах» (англ. «vernacular regions»). Это территории, которые их жители определяют сами для себя как место своего проживания, для которых существует общепринятое название. Чаще они привязываются к физико-географическим объектам или сторонам света. В российском случае речь идет о больших сообществах с обычно нечеткими границами, таких, как Север, Поволжье, Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Региональная самоидентификация более характерна для периферийных территорий, которые ощущают себя особой частью России. Самый яркий пример — Сибирь, можно также говорить об уральской, дальневосточной идентификации. В Европейской части России этот тип идентификации выражен слабо, особенно в центральных районах.

3. Привязка к административным единицам. В России именно этот тип идентификации становится основным, несмотря на его кажущуюся «искусственность» и «официальность». Дело в том, что *в отсутствие четких культурных границ между русскими ареалами политико-историческая или политико-административная идентификация становится естественным заменителем культурно-провинциальной.*

Сложилась любопытная ситуация, когда региональная идентичность привязывается преимущественно к административным единицам. Процессы консолидации регионов с близкими культурными особенностями тоже происходят, но пока они слабы. Сейчас местный патриотизм определяется в отношении своего края, области, а не более крупных образований, таких, как Север, Юг и даже Сибирь, где, казалось бы, больше предпосылок для общесибирского патриотизма, учитывая традиции сибирского областничества. Да и в России XIX в. ситуация была похожей, поскольку люди определяли свою принадлежность по губерниям («туляки», «рязанцы» и др.). Поэтому можно сказать, что этот тип идентифи-

кации имеет свои исторические корни. Хотя, разумеется, он достаточно искусственен, поскольку сетка административного деления менялась, появлялись новые области, часто менялись административные границы.

Итак, первым условием для развития регионального самосознания является его территориальная основа. В нынешней России для русских это политико-историческая и в гораздо меньшей степени субэтническая или физико-географическая основы. Далее можно говорить об «объективных» факторах, которые усиливают или ослабляют региональную идентичность в тех или иных субъектах Федерации.

1. Культурно-исторические предпосылки. Больше шансов имеют те центры, у которых есть многовековой опыт развития в качестве культурно-политических центров России, своя особая история. Например, вновь начинают выделяться города, являвшиеся столицами средневековых русских государств (Новгород, Псков, Смоленск, Владимир, Рязань, Тверь). Они торжественно отмечают свои исторические юбилеи, восстанавливают или создают новые памятники и др. Ярким выраженным центром опять становится С.-Петербург. Свои амбиции появляются у крупных центров, сформировавшихся в XVIII—XIX вв. и претендующих на обширные «сферы влияния» (Самара, Саратов, Томск, Иркутск и др.).

2. Укорененность населения. Важным показателем при анализе регионального самосознания является доля уроженцев данного региона среди всех его жителей. Ясно, что в тех регионах, где ниже доля местных уроженцев, меньше перспективы будет иметь пропаганда регионального патриотизма. Показатель укорененности населения колеблется в России в значительных пределах от 20—30% до 80—90% (определено на основании данных Всесоюзной переписи 1989 г.²). Самые низкие показатели характерны для северных районов «нового освоения» (прежде всего для Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов) и для Калининградской области (менее 40%). Низка укорененность населения на Камчатке, в Магаданской области (40—50%). Сравнительно низкими показателями отличаются южные регионы Дальнего Востока — Приморье, Амурская область (менее 60%), регионы промышленного Урала, Кузбасс, Подмосковье.

Напротив, самая большая укорененность населения отмечается в аграрных регионах Юга России, в особенности в Центральном

Черноземном (максимум отмечается в Тамбовской области), Центральном районах, на значительной территории Поволжья. Доля местных уроженцев превышает 80% в Брянской, Орловской, Воронежской областях, составляет 70—80% в Смоленской, Ярославской, Белгородской и других коренных русских областях. Один из самых высоких показателей фиксируется в Астраханской области (около 90%). Речь, таким образом, идет о большой группе наиболее «замкнутых» регионов России, в основном южных и аграрных, часто ассоциируемых с коренной Россией. В нее включаются и некоторые сибирские регионы, в частности Омская область, Красноярский край.

Есть и другой характерный показатель. Микрперепись 1994 г. показала, что 58% россиян проживает в месте постоянного жительства с рождения, что свидетельствует о низкой территориальной мобильности российского населения. Межрегиональные различия по этому показателю не столь велики: он не превышает 50% лишь в считанных регионах — Тюменской области и ее автономных округах, Карелии, Мурманской, Ленинградской, Камчатской, Магаданской, Сахалинской, Амурской, Калининградской областях, на Чукотке, в Эвенкии, Корякском АО. В то же время постоянно проживает по месту рождения более 65% жителей Москвы, Липецкой, Пензенской, Астраханской областей, Мордовии, большинства северокавказских республик.

3. Географическая обособленность регионов. Особое местоположение является важным фактором развития регионального самосознания. Это особенно характерно для анклавных, периферийных территорий. Примером может служить Калининградская область, где, несмотря на слабую укорененность населения, существуют географические предпосылки для обособления включая тесные исторические связи с европейскими странами. Похожая ситуация наблюдается на Камчатке и Сахалине. Замкнутые группы со своей идентичностью складываются в отдельных северных городах, слабо связанных с «материком».

4. Стабильность административно-территориального деления (АТД). Развитию регионального самосознания в российских условиях способствует стабилизация административных границ. Благодаря этому региональная идентичность обретает устойчивую основу для своего развития. Почти все края и области России были созданы до окончания Великой Отечественной войны, т. е. боль-

шинство россиян родилось и выросло при современных административных границах, а потому воспринимает их как естественную территориальную основу. Заметим также, что из 55 административных центров краев и областей 37 являлись столицами губерний и областей до революции. И лишь четыре области появились после войны — Калининградская в 1946 г., Магаданская в 1953 г., Белгородская и Липецкая в 1954 г. (кроме того, две области просуществовали недолгое время: Великолукская — с 1944 по 1957 г. и Балашовская — с 1954 по 1957 г.). Границы краев и областей менялись за последние 40 лет незначительно.

Разумеется, степень восприятия региональной идентичности, привязанной к сетке административно-территориального деления, зависит от продолжительности существования тех или иных политико-административных общностей. Центры губерний с длительной историей, восходящей к XVIII в., формируют в своем окружении более устойчивую идентичность, тогда как периферийные районы, менявшие административную принадлежность, могут иметь более сложную, в том числе двойную идентичность (как Борисоглебск, который и «воронежский», и «тамбовский»). Сложные ситуации связаны с бывшими административными центрами, где появляются свои амбиции (Великие Луки), с новыми областями типа Липецкой, составленной из бывших территорий Орловской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерний. Но в целом по России административная граница стала не просто политической, но политико-культурной реальностью.

Развитие современного регионального самосознания следует считать процессом, начавшимся в 70—80-х годах. В этот период происходили следующие явления:

1. Снижалась территориальная мобильность. Закончился период «великих строек» и массовых, в том числе насильственных миграций. Население обосновывалось на территории, «пускало корни».
2. Стабилизировалось административно-территориальное деление, повышалась устойчивость административных границ, росла степень замкнутости краев и областей (по многим наблюдениям, уже в советские времена дорожная сеть и транспортное сообщение часто обрывались на границах областей).
3. Формировалась региональная элита, которая «врастала в почву». Если раньше, в 30—50-е годы, региональные руководители работали на своих постах недолго, их очень часто перебрасывали

из одного региона в другой, то в 60—70-е годы возник феномен «хозяина региона», который правил областью на протяжении 10—20 лет и, как правило, происходил из того региона, которым управлял. Вокруг этих лидеров формировалась устойчивая элита. Развивалось местничество, и в регионах, особенно крупных, появились особые, осознанные и артикулированные интересы.

В 90-е годы процесс формирования региональной идентичности вышел на новый уровень, о чем уже говорилось во введении. Это объясняется:

- суверенизацией национальных автономий, стимулировавшей аналогичный процесс в русских регионах, в целом — федерализацией страны;
- усилением влияния и повышением самостоятельности региональных элит;
- процессами национального возрождения в провинции;
- ростом экономической самостоятельности регионов и экономических противоречий с Центром.

Наконец, особо следует выделить новейшие процессы 1996—1998 гг. Именно в последние два-три года региональная идентичность стала значимым фактом общественной жизни не только республик, но и русских регионов. Важным стимулом стали губернаторские выборы, в результате которых руководитель региона из президентского чиновника-назначенца превратился во всенародно избранного политического лидера, обладающего новой легитимностью⁶. Уже в ходе избирательных кампаний кандидатами в губернаторы активно муссируется тема защиты региональных интересов, местного патриотизма, развития с опорой на собственные силы. Избранные руководители в большинстве своем стремятся следовать этим принципам, составляющим основу их легитимности.

Действует и экономический фактор. Отмечается нарастание экономических противоречий между Центром и регионами, объясняемое неэффективностью региональной политики федерального Центра. Углубляются социально-экономические различия между регионами. Противоречия возникают между донорами и реципиентами федерального бюджета. В связи с повышением транспортных тарифов многие территории оказываются изолированными от других частей страны. В итоге региональные элиты при поддержке общественности выступают за повышение эконо-

мической самостоятельности своих регионов, полагая, что дополнительные полномочия позволят решить насущные проблемы и выбраться из кризиса. Этот процесс несомненно стимулирует региональную обособленность и стремление опираться на собственные силы.

В результате региональный патриотизм все больше проникает в массы. Процесс, как видно, в основном шел сверху: претенденты на роль региональных лидеров разыгрывали карту местного патриотизма в своих интересах, ведь их легитимность обосновывалась регионалистскими идеями. Но процесс затронул как элиту, так и избирателей. В ситуации кризиса общероссийской идентичности региональная идентичность оказалась палочкой-выручалочкой, за которую ухватились многие россияне. Тем временем в России в целом происходят отмечаемые многими аналитиками смещение центра принятия решений в регионы и усиление влияния региональных элит на общенациональный политический процесс.

Исследовать результаты этих сдвигов для массового сознания необходимо с помощью социологических опросов. Одним из индикаторов степени регионального самосознания может быть ответ на вопрос, что респонденты считают своей родиной — регион, Россию или бывший СССР. Опрос, проведенный Центром социологических исследований МГУ в Свердловской области в ноябре 1998 г., показал, что регион считают своей родиной 36,7% респондентов (Россию — 32,9%, бывший СССР — 27,7%)⁷. В Оренбургской области в ноябре 1998 г. регион своей родиной назвали 30,6% опрошенных (бывший СССР — 33,4%, Россию — 32,8%), в Липецкой области в январе 1998 г. — 30,2% (бывший СССР — 31,9%, Россию — 32,6%). В Красноярском крае опрос ЦСИ МГУ в декабре 1997 г. показал, что свой регион считают родиной 42% респондентов, Россию — 29,9%, бывший СССР — 25,6%. Проведенный там же опрос в феврале — марте 1998 г. дал несколько другие цифры — меньшую долю местных патриотов (31,1%), большую — патриотов России (36,8%) и патриотов СССР (30,3%).

Важным индикатором являются и высокие показатели доверия к местной власти. Все последние опросы в регионах показывают, что за редкими исключениями (объясняемыми личностью губернатора) местные руководители вызывают большее доверие, чем руководители страны. Как показали социологические исследования, проведенные Российским независимым институтом социаль-

ных и национальных проблем (РНИСиНП) в 1998 г., по России в целом федеральным властям доверяют 11,2% опрошенных, тогда как местным властям — 35,6%. Каждый третий житель России доверяет местным властям больше, чем федеральным⁸. Возник феномен «лидеров регионального согласия», которые одерживают более чем убедительные победы на выборах и пользуются очень большим доверием населения (А. Тулеев, Н. Кондратенко, Д. Аяцков и др.). Та же ситуация складывается с местными СМИ (что, кстати, ведет к распаду единого информационного пространства).

Если в краях и областях пока нельзя говорить о доминировании регионального самосознания, то в республиках это уже произошло. По данным опросов, проведенных в 1994—1995 гг. в целом ряде российских республик, с регионом в большей степени, чем с Россией, себя идентифицируют 85,7% сельских и 59% городских татар, 80,1% якутов, 63,7% тувинцев, 55,3% осетин⁹. Остальные представители титульных народов имеют двойную идентичность, и почти никто не отдает предпочтение российской идентичности (результаты на уровне статистической ошибки). Показатель зависит от степени инкорпорации этносов в российском пространстве и влияния на них идеи национальной государственности.

Другим характерным явлением стало позитивное отношение к выходу из состава России. Согласно опросам 1994 г., проведенным на Северном Кавказе, эту идею поддержали 71% чеченцев, 27% ингушей, 17% карачаевцев, 12% адыгейцев, 7% черкесов и 5% осетин¹⁰. Опрос в Бурятии дал следующие цифры для бурят: 8,6% в 1995 г. и 9,9% в 1996 г.¹¹ Региональная идентичность для других российских народов характерна в существенно большей степени, чем для русских, и зависит от продолжительности и истории пребывания в составе России (отсюда гигантские различия между чеченцами и осетинами, высокая лояльность бурят и т. п.).

Любопытно, что многие русские в республиках тоже выбирают региональную идентичность. По данным тех же опросов 1994—1995 гг. региональную идентичность предпочли общероссийской 48,1% русских Якутии, 20,3% Татарстана, 13,3% Тувы, 6,7% Северной Осетии. Результат существенно ниже, чем для титульных народов, и ниже, чем для русских в краях и областях, но тенденция все же имеет место. Во многом она объясняется высокой степенью укорененности русских в республиках, длительным опытом совместного проживания с титульным населением. Например,

доля местных уроженцев среди русских Бурятии и Татарстана составляет около трех четвертей, еще выше она в Мордовии.

Следует также отметить попытки (правда, непоследовательные) создания в республиках наднациональной идентичности (татарстанцы, якутяне и др.). Идеология «общего дома» проповедуется властями Татарстана. В Якутии существует движение под символическим названием «Мы — якутяне». Во многих республиках социокультурная дистанция между русскими и титульными народами действительно минимальна, что способствует формированию наднациональной региональной идентичности. Этот процесс характерен для финно-угорских республик, Чувашии, национальных автономий Сибири и Дальнего Востока (кроме Тувы).

Важнейшим является вопрос, как соотносятся между собой региональная и общегражданская идентичности, дополняют они друг друга или вступают в конфликт так, что региональная идентичность приводит к отрицанию российской. Данные социологических исследований РНИСиНП, проведенных в 1998 г., показывают не только развитие регионального патриотизма, но и появление одобрительного отношения к идее выхода «русских» регионов из состава России¹². Выделяются регионы, в которых региональный патриотизм приводит к развитию сепаратистских настроений.

«Русский сепаратизм» оказывается достаточно характерным для окраинных регионов России, причем лидером стал Дальний Восток (около 20% опрошенных одобряют отделение от России, опрос проводился в Приморском и Хабаровском краях). За Дальним Востоком с небольшим отставанием следуют Восточная Сибирь, Западная Сибирь и Калининградская область (свыше 15% сторонников отделения). Сепаратистские настроения относительно развиты на Урале (12—13%). В других частях России «русский сепаратизм» оказывается явно маргинальным явлением, и доля сторонников отделения не превышает 10%. Она минимальна в историческом ядре России — Москве, С.-Петербурге, Центральном, Центрально-Черноземном, Северо-Западном районах, чуть выше — в русских регионах Северного Кавказа и в Северном районе.

Итак, можно определить следующие уровни развития регионального самосознания.

1. Для титульных народов в республиках региональная идентичность безусловно доминирует над российской. В некоторых регио-

нах речь идет об отрицании российской идентичности, что ведет к развитию сепаратистских настроений.

2. Региональная идентичность постепенно распространяется среди русских в краях и областях. Пока она не входит в явное противоречие с общегражданскими ценностями и в большинстве случаев является частью «двойной идентичности». Но обращают на себя внимание существенные межрегиональные различия в развитии сепаратистских настроений, которые свидетельствуют о появлении регионов, склонных противопоставлять себя России. Зонами риска становятся Дальний Восток, Сибирь и Калининградская область, где региональная идентичность отчасти носит сепаратистский характер и вступает в конфликт с общероссийской.

3. Региональная идентичность менее характерна для русских в республиках, но и здесь есть носители регионального самосознания, которое имеет наднациональный характер (якутяне и т. п.).

Наиболее интересна ситуация в самой крупной второй группе. Опросы показывают, что местный патриотизм значим для 30—40% русских, которые считают своей родиной регион, а не Россию или бывший СССР. Имеющиеся материалы не позволяют выявить существенные межрегиональные различия по этому показателю. Данная тема пока остается неисследованной. Порядка 8% русских поддерживают идею выхода своего региона из состава России, и вот по этому показателю межрегиональные различия очень велики.

Попытаемся определить социально-демографические группы, являющиеся носителями региональной идентичности. Опрос в Свердловской области показал, что региональная идентичность наиболее характерна для жителей сельской местности и поселков городского типа (40,5% и 40,4% соответственно). Похожие результаты дал опрос в Липецкой области (31,8% на селе и 30% в поселках городского типа). Это неудивительно, если учесть большую укорененность сельских жителей. Так, и в Красноярском крае региональный патриотизм оказался более характерным для малых и средних городов (32,9%) и села (31,6%).

Правда, опрос в Оренбургской области показывает: региональная идентичность наиболее характерна для поселков городского типа (40%), малых и средних городов (32,2%), а для села — в меньшей степени (29%). Таким образом, не все сельские районы отличаются развитой региональной идентичностью, во многих из них еще сильна ностальгия по СССР. Зато малые города и поселки го-

родского типа почти всегда дают наиболее высокие показатели местного патриотизма. С другой стороны, областные центры всегда демонстрируют наименьшие показатели регионального патриотизма. В крупных городах региональная идентичность не столь распространена, что объясняется как их культурным «космополитизмом», так и большей долей приезжих.

В целом местный патриотизм сегодня более свойствен полупериферийным территориям — малым и средним городам, поселкам. Что касается села, то речь чаще идет о сельской местности, находящейся под влиянием городской культуры. В разных сельских районах фиксируется различная степень восприимчивости к региональному патриотизму, хотя обычно она выше средней по региону.

Очень интересен и возрастной срез отношения к региональному патриотизму. С регионом себя идентифицирует преимущественно молодежь. Таким образом, главным носителем региональной идентичности на сегодняшний день является молодежь в поселках, малых и средних городах. На селе складывается любопытная ситуация: старшее поколение продолжает ориентироваться на «советскую идею», а вот молодежь, «обдумывая жизнь», выбирает не Россию, а регион.

Слабость новой российской идентичности выражается в том, что молодые поколения в условиях вакуума идей и ценностей выбирают для себя региональную идентичность. Поэтому при всей относительной слабости регионального самосознания в российских регионах просматривается тенденция к его усилению, что через 20—30 лет может привести к глубоким структурным изменениям в русском этносе и его «полураспаду» на региональные группы. Уже определились территории, в которых региональный патриотизм начинает конфликтовать с общероссийским (Дальний Восток, Сибирь, Калининградская область).

Политические индикаторы регионального самосознания

Итак, установлен факт роста регионального самосознания в современной России, подтверждаемый социологическими исследованиями. Теперь необходимо исследовать формы и проявления региональной идентичности. Развитие регионального самосознания и его политические последствия следует анализировать с по-

мощью политологических методов. Выделяется большая группа индикаторов, которые свидетельствуют о регионализации общественного сознания России.

1. *Деятельность региональных элит и обострение их противоречий с федеральной элитой.* Во многих регионах рост самосознания совпадает с появлением сильных местных лидеров, которые берут на вооружение тему региональной самостоятельности, опоры на собственные силы, национального возрождения в его провинциальных формах. Развитие регионального самосознания во многом было стимулировано региональными элитами, преследовавшими свои политические интересы, ростом их политических амбиций (крайним, но характерным примером самосознания региональной элиты может служить фраза, произнесенная на инаугурации А. Руцкого: «Милостью Божией и волеизъявлением народным губернатор Курской области»¹³). Однако его нельзя считать чисто верхушечным процессом, поскольку деятельность элит затронула «спящие» пласты общественного сознания и вызвала своеобразный «провинциальный ренессанс», который выражается в частичном восстановлении местных культурных традиций (тот же А. Руцкой способствовал возрождению в области празднования Курской иконы Знамения Богоматери и крестного хода в Коренную пустынь), развитию краеведения, популяризации местного патриотизма и развитию антимосковских настроений. В результате *процесс на уровне элиты и процесс на уровне общественного сознания идут бок о бок и стимулируют друг друга.* Для республик при этом характерно подражание «настоящим» государствам, выражающееся во введении и популяризации тщательно разработанной государственной символики (в Ингушетии даже торжественно открыли новую столицу — Магас).

Примечательно, что в тех регионах, где предпосылки для развития региональной идентичности минимальны, власти берутся за искусственное культивирование местного патриотизма, чтобы укрепить единство территории и собственное влияние на избирателей. Примером может служить полицентричный Ямало-Ненецкий АО, где власти пытаются развивать ямальский патриотизм.

В современной региональной элите наблюдается сложное отношение к России и своим регионам. С одной стороны, для «выборных» региональных лидеров характерны местничество и партикуляризм, с другой — они декларируют, часто вполне искренне,

российский патриотизм. В результате получается причудливая смесь местничества и государственничества. Губернаторы считают себя «солью земли русской» и при этом ставят во главу угла защиту региональных интересов. Двойственность их сознания отражает двойственность идентичности большинства русских, которая, как показывают опросы, является одновременно российской и региональной.

Региональные лидеры во многом способствуют развитию регионального самосознания. Можно выделить две формы, которые принимает этот процесс:

самовозвеличивание регионов (по типу «Саратов — столица Поволжья»);

развитие антимосковских настроений (например, антимосковский синдром на Кубани, объявление Москвы недружественным «соседом за Уралом» красноярским губернатором-«неофитом» и недавним москвичом А. Лебедем).

При этом двойственность идентичности заставляет губернаторов заявлять себя в качестве политиков федерального уровня, активнее влиять на ситуацию в Центре. Влияние в пределах «любимого» региона рассматривается ими в качестве важной, но не последней ступени политической карьеры. Отсюда появление популярного тезиса о том, что президентом России (или, как минимум, вице-президентом, премьер-министром) должен стать один из губернаторов. Многие региональные лидеры рассматриваются в качестве кандидатов в президенты или премьер-министры и не отрицают своих амбиций (саратовский губернатор Д. Аяцков, самарский губернатор К. Титов). Но при этом попавшие в столицу на высокие должности представители регионов стремятся создавать региональные землячества (красноярское землячество во главе с бывшим секретарем ЦК КПСС В. Долгих, оренбургское землячество во главе с экс-премьером В. Черномырдиным и др.). Обращают на себя внимание неформальные политические группы, создававшиеся в столице выходцами из Свердловской области, С.-Петербурга, Нижнего Новгорода. Это значит, что *федеральная элита в значительной степени сохраняет свое изначальное региональное самосознание.*

Рост регионального самосознания может быть реакцией на ухудшение отношений с Центром. Например, он стимулируется политико-идеологическими противоречиями, если в регионах домини-

руют иные политические ориентации, нежели в Центре, если политика Центра по тем или иным причинам отторгается в регионах. Помимо прочего необходимо анализировать географию власти, под которой понимается доступ региональных групп к центральной власти, иными словами — представленность регионов в центральной элите.

2. *Подъем региональных центров и усиление российского полицентризма.* За последние несколько лет происходит очевидное усиление полицентризма российского пространства, чему способствует переход от унитарной к федеративной форме государственного устройства. Прежняя радиальная схема связей при слабом Центре уже не работает. Вакуум силы заполняют крупные центры, претендующие на роль региональных столиц (как экономических, так и политических) и формирующие собственные «сферы влияния». В этом качестве выступают С.-Петербург, Нижний Новгород, Самара, Ростов-на-Дону, Новосибирск и др. Благодаря активности амбициозных губернаторов ту же функцию пытаются играть располагающие меньшими ресурсами Саратов и Красноярск. У некоторых региональных столиц появляются свои «имперские амбиции». Так, из Самары уже прозвучали заявления о необходимости присоединить к Самарской области Ульяновскую, как это было раньше. Новым явлением становится патронаж более сильных регионов над слабыми соседями (Челябинская и Курганская области).

3. *Развитие горизонтальных, межрегиональных связей.* Характерной особенностью межрегиональных отношений становится развитие межрегиональных связей, которое ведет к формированию устойчивых территориальных общностей. Особыми субъектами регионального политического процесса стали межрегиональные ассоциации. Проблема консолидации региональной элиты решается на региональном уровне постепенно и частично. Формирование всесильного «губернаторского лобби», объединяющего большинство региональных лидеров России, остается утопией из-за различий в интересах отдельных губернаторов и президентов республик. В то же время в различных частях страны происходит формирование небольших лоббистских групп, которые складываются по географическому признаку — через соседские отношения, экономическую взаимозависимость и пр. Интересы этих региональных лобби на федеральном уровне транслируются через межрегиональные ассоциации.

Создание ассоциаций началось в 1990—1991 гг., еще во времена СССР. Крупнейшая ассоциация «Сибирское соглашение» появилась в декабре 1990 г., в январе 1991 г. возникла уральская ассоциация. Большинство ассоциаций было создано в 1991 г. Всего их восемь — «Сибирское соглашение», «Большая Волга», «Центральная Россия», «Северо-Запад», «Черноземье», «Северный Кавказ», «Большой Урал», «Дальний Восток». В их рамках решаются многие вопросы политического и экономического развития регионов, и в конечном счете здесь идет формирование региональной идентичности более высокого уровня, нежели политико-административная.

Укрепление ассоциаций как лоббистских структур происходило в 1995—1996 гг. Именно в это время региональные объединения предпринимали попытки сформулировать общие интересы. На уровне крупных составных частей России, объединенных в ассоциации, выделились политические центры, лидеры. Однако реальная консолидация региональных элит в рамках ассоциаций не произошла до сих пор. Слишком много различий имеется внутри ассоциаций: сказываются не совпадающие экономические интересы регионов, политические симпатии и ориентации в Центре, конфликты между губернаторами. Региональному руководителю по-прежнему легче решить свою проблему в Москве, которая дает деньги, чем в рамках ассоциации. Поэтому говорить о региональных союзах как об устойчивых политических образованиях явно преждевременно. Тем не менее *процесс горизонтальной консолидации регионов развивается и в будущем может привести к складыванию «надрегиональных» общностей во главе с региональными столицами.* Дальше всех в этом направлении могут продвинуться Поволжье, Сибирь, Урал и Дальний Восток, возможен рост самосознания Русского Севера в рамках ассоциации «Северо-Запад».

4. *Межрегиональные конфликты.* Горизонтальные связи могут быть как положительными, так и отрицательными. Развитие регионального самосознания в его «эгоистических» формах часто приводит к межрегиональным конфликтам. Распространенным явлением стала конкуренция крупных соседних центров. В качестве примера можно привести обострившееся в 1997—1998 гг. соперничество между Самарой и Саратовом, подогреваемое амбициями губернаторов. Конкуренция проявляется по линиям «Хабаровск — Владивосток» и «Красноярск — Иркутск», сложился даже «сибирский пятиугольник» «Омск — Новосибирск — Томск —

Кемерово — Красноярск». Отношения между некоторыми регионами начинают напоминать отношения между суверенными государствами: борьба за влияние, формирование региональных систем со своим балансом сил, территориальные претензии. Такие своеобразные «геополитические» системы уже сложились в Поволжье и Сибири.

5. *Внутрирегиональные конфликты и развитие локальной идентичности.* Привязка идентичности к административным границам может негативно восприниматься отдельными районами, не признающими навязываемую им региональную идентичность. Речь обычно идет о районах, исторически входивших в состав других регионов или имеющих особую этническую специфику. Такие районы «отвечают» на региональный патриотизм своим локальным патриотизмом или заявляют о стремлении присоединиться к другому региону.

Характерной проблемой стали сепаратистские настроения в районах республик с преобладанием русского населения. Здесь отторгается республиканская идентичность. Особенно напряженная ситуация возникла в Карачаево-Черкесии, где имеются районы с абсолютным преобладанием казачества. В 1991—1993 гг. популярными были идеи создания здесь казачьих «республик» и автономных округов. Значительная часть русских Карачаево-Черкесии выступает за возвращение в состав Ставропольского края (республика до 1991 г. была автономной областью в составе края), т. е. предпочитает ставропольскую идентичность карачаево-черкесской. Вновь обострилась ситуация в центральных и южных районах Адыгеи, где Союз славян Адыгеи выступает за возвращение этих территорий в состав Краснодарского края. В 1998 г. новый мэр Кызыла А. Кашин (член ЛДПР) заявил о возможном проведении референдума по вопросу о вхождении тувинской столицы и Пий-Хемского района в состав Красноярского края.

Любопытно, что попытки сменить принадлежность встречаются и в русских областях. Они имеют как экономические, так и культурно-исторические обоснования. Так, в Бельском районе Тверской области поднимался вопрос о вхождении в состав Смоленской области (прежде Бельский уезд входил в Смоленскую губернию). Недавно в некоторых районах Ивановской области был поднят вопрос о присоединении к Владимирской области (прежде они входили в состав Владимирской губернии).

Наряду с сепаратистскими настроениями в регионах развивается и локальный, обычно городской, патриотизм. Он характерен для городов-анклавов, не признающих общерегиональную идентичность. Таким образом, *процесс регионализации общественного сознания не останавливается на уровне субъектов Федерации и захватывает отдельные города*. Особая идентичность формируется в Норильске, где развиты антикрасноярские настроения, в городах Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского АО, где в каждом крупном добывающем центре появляется свой патриотизм, часто подогреваемый местными властями (пример — Ноябрьск при мэре А. Бусалове).

В целом по России популярным становится лозунг «любимого города», который используется во время избирательных кампаний, в названиях политических движений (С.-Петербург, Якутск и др.). Локальный патриотизм все чаще эксплуатируется мэрами крупных городов, конфликтующими с губернаторами (например, мэр Екатеринбурга А. Чернецкий создал движение «Наш дом — наш город», противостоящее губернаторскому «областному» движению «Преображение Урала»).

б. Функционирование региональных партий. Важнейшим критерием развития регионального самосознания является появление региональных партий и общественно-политических движений. Для республик характерны многочисленные национальные движения, которые стали возникать с 1988 г. Сначала они создавались в виде культурных обществ, в 1990—1991 гг. появились националистические партии. Особенно активным процесс создания национальных движений и партий был на Северном Кавказе и в республиках Волго-Уральского региона. В Татарстане были созданы Татарский общественный центр, позднее переименованный во Все-татарский общественный центр, и радикальная партия «Иттифак». В Башкирии появился Башкирский народный центр «Урал», в Чувашии — Чувашский национальный конгресс, в Марий Эл — «Марий Ушем». На Северном Кавказе свои движения создали аварцы (Аварский народный фронт им. имама Шамиля), лакцы («Казикумух»), лезгины («Садвал»), ингуши, кабардинцы, балкарцы, осетины и др. Национальные движения появились и в Сибири: радикальный Тувинский народный фронт «Хостуг Тыва», Бурят-Монгольская народная партия, «Эне тил» на Алтае и др.

Национальные движения можно разделить на несколько типов. Существуют движения со статусом общенародных, объединяющих

всех представителей данного этноса в рамках единой организации. Эти движения претендуют на соборное выражение интересов всего этноса (Чувашский национальный конгресс, «Марий Ушем»). На базе национальных движений в некоторых регионах были созданы партии или организации партийного типа, обычно объединяющие радикальных сторонников национальной идеи («Иттифак», Бурят-Монгольская народная партия, партия «Ушем» в Марий Эл, Карельский национальный конгресс и др.). Новым явлением стали «официозные» национальные движения, которые создавались под патронажем местных властей, — Всемирный конгресс татар, Всемирный курултай башкир. Эти движения тоже претендуют на статус общенародных. Они существуют во многих республиках и в основном подконтрольны местной «партии власти».

Особый интерес представляет процесс создания партий в русских регионах. Казачьи организации возникли еще в советское время. Наиболее активным возрождение казачьего движения было на Кубани и Дону. В целом для него были характерны раздробленность и внутренние конфликты, лидеры казачества в большинстве своем не пользовались должным авторитетом.

В начале 90-х годов в нескольких регионах возникли политические организации, выступающие с позиций русского автономизма. В частности, имели место попытки возродить сибирское областничество (Томск¹⁴), эксплуатировать идею Дальневосточной республики (Владивосток¹⁵). Однако эти партии не пользовались популярностью, и их деятельность быстро прекратилась (пик активности русских регионалистов пришелся на 1990—1993 гг.). Более устойчивым оказался феномен существующей до сих пор Балтийской республиканской партии в Калининградской области. Популярность этой партии низка, но сама идея отделения от России достаточно распространена в регионе.

Таким образом, до сих пор политические организации, выступающие с позиций русского автономизма, не сумели добиться популярности, что свидетельствует об отсутствии отклика на их идеи широкой общественности. Однако идея «сибирской партии» продолжает жить в умах многих представителей сибирской элиты. В 1998 г. наблюдалось возрождение этого феномена. Во-первых, в Новосибирске была создана Сибирская партия, претендующая на роль выразителя интересов всех сибиряков. Любопытно, что ее лидером стал непопулярный бывший губернатор Новосибирской

области И. Индинок. Во-вторых, часть сибирской властной элиты предприняла серьезную попытку создать политическое объединение. Оно возникло в Томске в декабре 1998 г. и получило «нейтральное» название «Союз ради будущего». Активное участие в создании этой организации приняли руководители Томской и Новосибирской областей, бывший губернатор Красноярского края В. Зубов, представители Алтайского края, Хакасии и Эвенкии. Это значит, что «сибирскую идею» готова подхватить часть местной властной элиты, что, как показывает опыт, может привести к ее популяризации с далеко идущими последствиями.

В последнее время именно местные элиты прилагают усилия для создания политических движений регионального уровня. Их движения располагают куда большими ресурсами, нежели мелкие «интеллектуальные» партии автономистского толка. Обычно они представляют собой местные «партии власти», идеологией которых естественным образом становится местный патриотизм. Классическим примером стало созданное Э. Росселем движение «Преображение Урала», которое в 1995 г. даже предприняло амбициозную попытку выйти на федеральный уровень и неудачно выступило на парламентских выборах как движение «Преображение Отечества» (результат был характерным: первое место в Свердловской области, провал во всех остальных регионах). В соседней Челябинской области влиянием пользуется прогубернаторское движение «За возрождение Урала». «Номенклатурные» блоки регионального уровня создаются и в других регионах: «Ярославия», «Вологодчина», «Удмуртия» и т. п.

7. *Разработка имиджа территорий.* Во многих регионах все большее внимание уделяется работе над имиджем территорий, задача которой — сделать регион привлекательным для инвесторов, «прогреметь» на всю Россию и «вписать» образ регионального лидера в образ региона. Над этим работают специалисты, территории «раскручиваются» в центральных СМИ, выпускается разного рода рекламная литература, справочные издания, буклеты, компакт-диски и т. д. Интересным примером стали выпуски региональных изданий серии «Памятники Отечества» (Республика Коми, Удмуртия) по «благословению» региональных руководителей.

В рамках этой работы происходит сотворение региональных мифов. Так, «новинкой сезона» в конце 1998 г. стал миф о том, что Великий Устюг — родина Деда Мороза, с удовольствием подхва-

ченный Ю. Лужковым. В качестве классического регионального мифа экспертами рассматривается «саратовский миф». В карикатурной форме формирование региональной мифологии ведется эксцентричным калмыцким президентом К. Илюмжиновым. Популяризируется имя Остапа Бендера, существуют планы поставить ему памятник и переименовать в его честь проспект в Элисте. Важным моментом стало строительство под Элистой нового города Сити-Чесс (свою роль сыграли увлечение калмыцкого президента шахматами и проведение Всемирной шахматной олимпиады), который К. Илюмжинов называет Нью-Васюками.

Разработка регионального имиджа активно ведется в Москве («Москва — сердце России»), но в основном используется для внутреннего потребления самих москвичей, создания в городе благоприятного психологического климата. Достаточно активно своим имиджем занимаются Нижегородская, Саратовская области, эти же тенденции прослеживаются и в других регионах России.

Обычно применяются три технологии построения имиджа территорий:

«возрожденческая», когда применяются традиционные образы и ассоциации (Нижний Новгород — «карман России»);

«самовозвеличивающая», когда город объявляет себя столичным центром (С.-Петербург — вторая столица России, Нижний Новгород — третья столица России, Саратов — столица Поволжья, Красноярск — центр Азии);

подражательная, когда используются ассоциации с известными зарубежными центрами (Нижний Новгород — «русский Детройт» по типу уже давно известных ассоциаций «Иваново — «русский Манчестер», «Петербург — Северная Пальмира»¹⁶; самарский губернатор К. Титов в одном из выступлений опрометчиво провозгласил Самару «русским Чикаго»).

* * *

Анализ политических процессов в российских регионах показывает ярко выраженную тенденцию к развитию региональной идентичности и активному стимулированию этого процесса элитами, использующими местный патриотизм как обоснование собственной легитимности. Регионализация общественного сознания, безусловно, влияет на политическое поведение, в частности на резуль-

таты выборов. Во многих регионах избиратели предпочитают голосовать за кандидатов в губернаторы, отстаивающих «региональную идею» (пример — Н. Кондратенко в Краснодарском крае), предпочитают местных уроженцев «чужакам» и др.

Однако регионализация общественного сознания пока не стала определяющим фактором политического поведения. Об этом свидетельствует избрание множества «чужаков» на выборах губернаторов и депутатов Госдумы, проходивших в 1996—1998 гг., в том числе А. Лебеда губернатором Красноярского края, казалось бы, центра сибирского патриотизма, не приемлющего москвичей. Избиратели, которые во время опросов говорили, что предпочли бы видеть губернатором земляка, в итоге отдали голоса «чужаку», показав, что их региональный патриотизм достаточно условен и относителен. В других регионах политики, не имеющие никаких отношений к регионам, в которых они баллотировались, одерживали победы на выборах депутатов Госдумы, причем весьма уверенные, если они обладали достаточными ресурсами (но и поддержкой местной элиты). Отвечая на вопрос о качествах, которыми должен обладать губернатор, только 15,9% опрошенных в Свердловской области, центре «уральского сепаратизма», назвали любовь к своему краю (в Оренбургской области — 19,2%, данные ЦСИ МГУ). Наконец, нельзя не отметить отсутствие весомой поддержки у партий и общественно-политических движений, выступающих с позиций регионального автономизма.

Таким образом, можно говорить лишь о выраженной тенденции к формированию региональной идентичности, но есть множество примеров, доказывающих, что региональный патриотизм не стал самодостаточной ценностью, не абсолютизируется подавляющим большинством россиян и не определяет их политическое поведение. Сегодня региональные ценности у русского народа, как правило, не вступают в противоречие с общенациональными и лишь дополняют их. Правда, конфликты между двумя типами ценностей уже возникают в окраинных, удаленных от Москвы регионах, остро ощущающих свою обособленность и считающих, что Центр, Россия не обращают на них внимания (Сибирь, Дальний Восток, Калининградская область, Кубань).

Современный политико-культурный процесс в регионах

Ситуацию с региональной идентичностью можно исследовать при помощи культурологического анализа. Современный культурный процесс в российских регионах остается малоисследованным, хотя в этой сфере происходит много интересного. В рамках нашего исследования важно обратить внимание на появление новой культурной идентичности в регионах, политизацию культурного процесса и современные процессы трансформации политического ландшафта.

1. Возрождение русских субэтнических и конфессиональных групп. Процесс возрождения субэтнической идентичности в рамках русского этноса затронул в основном наиболее устойчивые общности. Прежде всего речь идет о казачестве, возрождение которого захватило не только традиционные казачьи регионы, но и практически всю территорию России включая Крайний Север¹⁷ (что объясняется распылением потомков казаков по всей России и конъюнктурными причинами, по которым отдельные деятели объявляли себя казаками). Существуют разноречивые мнения о том, сколь велика доля казаков в населении даже таких регионов, как Ростовская область и Краснодарский край. По данным различных опросов казаками себя считают 20—25% жителей Ростовской области, около 15% жителей Краснодарского края, но менее 10% населения Ставропольского края, где казачий фактор не является столь значимым.

«Казачий вопрос» оказался крайне политизированным. Еще в 1990—1991 гг. в стране возникло множество общественно-политических организаций, объявивших себя казачьими. Между ними происходили и происходят конфликты, и реальное влияние казачьих движений обычно очень мало. Однако при этом казачья идентичность остается распространенной во многих регионах и прежде всего на Северном Кавказе.

Возрождение других субэтнических групп идет намного сложнее. Произошла самоорганизация семейских русских, которые в 1993 г. провели съезд старообрядческого (семейского) населения Бурятии. Но кроме казачества ни одна из групп не прошла через процесс политической самоорганизации. Многие субэтнические группы никак не организованы и фактически утратили самоиден-

тификацию. Поэтому деления русского народа на субэтноты пока не наблюдается (если не иметь в виду условный московский субэтнос), и этот процесс, если и пойдет, займет многие годы.

2. *Введение региональной символики.* На уровне субъектов Федерации отмечается активная работа по введению региональной символики — гербов, флагов и гимнов. Особенно тщательно разрабатывается символика в республиках, где она отражает культурные особенности титульного народа и напоминает символику независимых государств (Татарстан, Башкирия, Тува и др.).

Разработка символов также ведется в краях и областях, ей уделяется большое внимание, проводятся конкурсы и т. п. Во многих случаях ее введение является не такой уж «вынужденной» формальностью и способствует формированию региональной идентичности. Например, в 1995 г. в Краснодарском крае — одной из самых автономистски настроенных территорий России — была утверждена символика, повторяющая дореволюционную. Нынешний флаг Краснодарского края повторяет тот, который был принят Краевой радой осенью 1917 г. Гимном стала песня с характерным названием «Ты, Кубань, ты наша родина», написанная до революции полковым священником. В Ростовской области, несмотря на сопротивление части общественности, была утверждена в качестве официальной символика Великого войска Донского. Гимном Ростовской области стал исторический гимн войска Донского «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон».

По сути в краях и областях России проявилась та же тенденция, что и в республиках: доминирующая в политической жизни община, ассоциируемая с традициями данной территории, навязывает свою символику в качестве официальной.

Важную роль в становлении регионального самосознания играет проведение местных праздников¹⁸, фольклорных фестивалей, восстановление храмов, открытие новых памятников и музеев. Эти события используются региональными лидерами в целях саморекламы. Наибольшее внимание этим процессам уделяется в республиках, где создаются пантеоны новых национальных героев или возвеличиваются уже признанные герои (как Салават Юлаев, ставший символом башкирского национального освобождения, или имам Шамиль в Дагестане). Правда, есть и противоположные тенденции, а именно демонстративная ориентация на союз с Россией, выражающаяся в праздновании «круглых дат» вхождения в со-

став России (Кабардино-Балкария, Северная Осетия и др.; в 1997 г. торжественно отмечалось 440-летие вхождения в состав России Кабарды).

Во многих регионах в последние годы торжественно отмечались юбилеи регионов и городов. Например, в целом ряде краев и областей праздновалось их 60-летие. Более «солидные» регионы отмечали 200-летие (Саратовская губерния), а на Камчатке отпраздновали 300-летие вхождения в состав России. При поддержке местных администраций отмечают свои юбилеи епархии Русской православной церкви. Например, Пензенская область готовится в 1999 г. отпраздновать 200-летие своей епархии. Губернатор В. Бочкарев уже встречался по этому поводу с патриархом, и администрация намерена использовать торжественное событие как мощный информационный повод. В 1999 г. Новгород собирается отметить свое 1140-летие — в аккурат перед выборами губернатора.

Распространенным явлением стало чествование великих земляков, как деятелей прошлого, так и ныне живущих. В процессе подготовки к 200-летию со дня рождения А. Пушкина родилось даже новое понятие — «пушкинские области» (Псковская и Нижегородская). В Удмуртии «национальным героем» стал М. Калашников, чествование которого торжественно проводилось уже не один раз.

Есть регионы, в которых власти проводят целенаправленную работу по строительству или восстановлению храмов и памятников, созданию новых музеев, возрождению народных промыслов и фольклора, демонстрируют заботу о культурном наследии. Меняется культурный ландшафт многих городов, что видно на примере не только Москвы, но и других центров (строительство Триумфальной арки в Курске). Создаются огромные мемориальные комплексы, например, на Прохоровском поле в Белгородской области. Характерным явлением стало активное храмовое строительство в новых промышленных центрах, «молодых городах».

3. *Изменения в топонимике.* Топонимика — важный индикатор регионального самосознания. За последние годы изменили свои названия многие города, улицы и даже субъекты Федерации. В последнем случае речь идет о введении в оборот национальных названий и их признании в качестве официальных (Башкортостан, Тыва, Калмыкия — Хальмг Тангч). В Северной Осетии, где осетины считают себя потомками древнего племени аланов, в офици-

альное название было добавлено слово «Алания» (что вызвало напряженность в отношениях с соседями, поскольку другие народы имеют собственное мнение на сей счет).

Процесс национального возрождения в республиках выразился и в переименовании городов и районов в соответствии с канонами национальной идеи. Так, город Куйбышев в Татарстане в 1991 г. получил имя Булгар, поскольку рядом находятся развалины одноименной древней столицы Волжско-Камской Булгарии (сам город никогда так не назывался и был раньше Спасском-Татарским). В Адыгее Теучежск был переименован в Адыгейск, а в Дагестане появился Шамильский район.

Что касается русских регионов, то здесь начался сложный процесс восстановления исторических названий, который воспринимался как важный шаг на пути национального возрождения и освобождения от коммунистической идеологии. Этот процесс запустило тогдашнее руководство СССР в рамках перестроечного процесса, когда с карты страны были стерты имена бывших генеральных секретарей ЦК КПСС (в 1988 г. Л. Брежнева и К. Черненко, в 1989 г. — Ю. Андропова). Пик возврата к историческим названиям пришелся на 1990—1992 гг., когда восстановили свои названия С.-Петербург, Шлиссельбург, Тверь, Сергиев Посад, Нижний Новгород, Орлов, Самара, Лиски, Владикавказ и Екатеринбург.

Однако на этом процесс прекратился, поскольку встретил сопротивление местного населения. На референдумах провалились попытки вернуть исторические названия Кирову и Тольятти. Вопрос об Ульяновске даже не ставился. Безрезультатной оказалась дискуссия о названии Калининграда: немецкий Кенигсберг был отвергнут (хотя идея разделялась частью «демократов»), а русская калька с этого названия Княжгород показалась неестественной. Несмотря на переименование областных центров, сохранили прежние названия Ленинградская и Свердловская области. На карте Ставропольского края остался Андроповский район. В Волгограде даже возникло движение за возврат к Сталинграду, а отнюдь не к Царицыну. Похожая ситуация связана с названиями улиц и площадей, памятниками. Лишь немногие города затронул процесс возврата к прошлым названиям, и то он коснулся лишь главных улиц (как в Нижнем Новгороде и Ростове-на-Дону). Снесенный в 1993 г. в Рязани памятник В. Ленину в 1997 г., после прихода к власти в области коммунистов, был восстановлен.

За последние годы появились новые примеры изменения топонимики. В одних случаях они свидетельствуют о продолжающихся попытках «самовозвеличивания» регионов, к которым благосклонно относится Центр (указ Б. Ельцина о переименовании Новгорода в Новгород Великий) и возрождении старых имен (Саров — бывший Арзамас-16 и Кремлев), в других — о внимании к знаменитым деятелям советского периода (переименование подмосковного Калининграда в Королев).

В целом процесс «провинциального возрождения» на самом деле оказался не столь глубоким. Консервативное провинциальное сознание не восприняло идею возврата к историческим названиям. Традиционные названия населенных пунктов, улиц и площадей в большинстве случаев не стали частью «новой региональной идеи».

4. *Введение в оборот неформальных названий регионов.* Тем не менее топонимика постепенно включается в контекст региональной идентичности. Об этом свидетельствует появление «теплых», «патриотичных» имен регионов в названиях СМИ и общественно-политических движений, в газетных текстах и телепередачах, самоупотребление которых подчеркивает местный патриотизм. По сути это шаг к формированию региональной идентичности, ведь происходит включение этих названий в культурно-политический контекст. Чувствуя искусственность политико-административной идентификации, провинциальное сознание ищет замену официальным названиям, как бы пытаясь подчеркнуть «естественность» субъектов Федерации и их границ.

Чаще всего в качестве синонимов используются производные от названий крупных природных объектов, зачастую некорректные. Например, Иркутская область именуется Приангарьем, Омская — Прииртышьем, Курганская — Зауральем, Челябинская — Южным Уралом (в этом с ней спорит Оренбургская область), Ханты-Мансийский АО — Югрой, Белгородская область — Белогорьем. Название «Урал» часто ассоциируется с одной Свердловской областью (вспомним провозглашение здесь в 1993 г. Уральской республики), а Ямало-Ненецкий АО называют просто Ямалом. В Краснодарском крае и Ростовской области для самоидентификации используют названия рек — Кубань и Дон. Любопытны названия некоторых региональных отделений НДР. В Омской области местная организация называлась «Омское Прииртышье», а в Новосибирской — ни много ни мало «Земля Сибирская».

Кроме того, понятия «край» и «земля» вводятся в оборот как что-то более емкое, нежели «официальная» область (Вятский край для Кировской области, Колымский край для Магаданской, Нижегородский край, Невский край — для С.-Петербурга и Ленинградской области). Другие регионы начинают гордо и навязчиво именовать себя губерниями, что тоже считается признаком региональной «особости» (Самарская область). Появляются и неологизмы, например, Московия, Ярославия.

* * *

Таким образом, в регионах происходит медленная, не всегда заметная трансформация политического ландшафта. Хотя этот процесс затрагивает далеко не все регионы, и некоторые территории, напротив, законсервировали советский политический ландшафт. Но если топонимика может оставаться прежней (во имя «общественного согласия»), то *отношение* к территории начинает меняться, становится более теплым, более «патриотичным», больше внимания уделяется региональной символике и праздникам, подчеркивающим региональную индивидуальность.

Можно выделить несколько типов трансформации постсоветского политического ландшафта в регионах:

национальное возрождение и русский традиционализм;

советский консерватизм;

постсоветский либерализм, на деле означающий смешение «исторических» и советских доминант с добавлением вестернизма.

Современный политический ландшафт в регионах обычно представляет собой причудливую смесь этих трех типов, что свидетельствует о его несформированности, аморфности. В ближайшие десятилетия можно ожидать, что в ландшафте выделятся свои доминанты, и, судя по тенденциям культурного развития российских регионов, можно ожидать, что в качестве доминант во многих регионах выступят региональные ценности.

Региональные политические культуры в современной России

Развитие регионального самосознания совпадает с углублением политико-идеологических, ценностных различий между регионами. Об этом свидетельствует электорально-географический ана-

лиз, позволяющий выявить региональную проекцию идейно-политического расслоения, существующего в постсоветском обществе.

Можно говорить о двух одновременных процессах:

формировании в каждом субъекте Федерации своей идентичности, о чем речь шла выше;

определении каждой территорией своей системы политических ценностей, фактически — приоритетного пути развития.

В регионах складываются два комплекса ценностей — региональные (идеология местного патриотизма) и базовые политические (идеология развития). Их наложение дает политическую культуру каждого региона, включающую в себя:

уровень и специфику развития региональной идентичности;

доминирующие политико-идеологические ориентации региона.

Многopартийные выборы несомненно оказали влияние на процессы формирования регионального самосознания в постсоветской России¹⁹. Рассмотрим основные характеристики электоральной карты страны. Современное электоральное расслоение регионов сформировалось в конце перестройки в 1989—1990 гг., когда возник основной электоральный раскол в обществе — между сторонниками либерально-демократической модернизации (после 1991 г. — электорат «реформаторских» сил и «партии власти») и левотрадиционалистскими силами (после 1991 г. — оппозиционный протестный электорат). Биполярность была характерна для всего электорального цикла 1989—1996 гг. За это время сложились электорально-географические ядра основных политических сил и достаточно стабильная электоральная структура России²⁰.

Анализ соотношения электорального влияния основных политических сил, выявляемого избирательными кампаниями, показывает, что оно остается в целом неизменным (это не означает невозможности перехода конкретных групп избирателей из одного электорального сегмента в другой, речь идет о динамическом равновесии в российском электорате). С одной стороны, сформировался левотрадиционалистский электорат, который составляет около 20% всех российских избирателей. Особое место в электоральной структуре занимает русско-националистический электорат, который заявлял о себе на парламентских и президентских выборах голосованием за В. Жириновского, А. Лебеда, ЛДПР, КРО и др. (12—14% избирателей, наблюдается очень медленный рост

их числа). При двухполюсных голосованиях он теряет единство и делится между протестным электоратом и избирателями «партии власти». В сумме левотрадиционалистский и русско-националистический сегменты российского электората составляют традиционалистский электорат.

С другой стороны, в стране сформировался многослойный электорат «партии власти». Один из его слоев — это либерально-реформаторский электорат. Его величина медленно уменьшается, но в целом за все эти годы укладывается в рамки 10—15% россиян.

Другие слои электората «партии власти» представлены:

контролируемым конформистским электоратом в некоторых республиках;

не приемлющим левотрадиционалистскую оппозицию и конформистски настроенным «центристским» электоратом.

Наконец, значимая часть российского электората (30—35%) относится к разряду абсентеистов и на выборы не ходит.

Левотрадиционалистский электорат в его «чистом» виде, т. е. без русско-националистической примеси, особенно характерен для некоторых национальных республик и аграрных регионов Юга России. Среди республик пока выделяется Дагестан (около 40% избирателей). «Левизна» до сих пор отличала электорат других северокавказских республик — Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, в меньшей степени — Кабардино-Балкарии. «Левизной» своего электората выделяются такие национальные автономии, как Чувашия, Мордовия, Башкирия, Республика Алтай, Агинский Бурятский и Усть-Ордынский Бурятский АО, в меньшей степени — Марий Эл и Бурятия.

Среди областей стабильно самой «красной» в последние годы является Орловская (доля левотрадиционалистского электората — не менее 35%). К ней приближаются другие области «красного пояса» — Ульяновская, Пензенская, Тамбовская, Липецкая, Воронежская, Курская, Белгородская, Брянская, Смоленская и Рязанская. Эти регионы составляют довольно компактное левотрадиционалистское ядро России, «красный пояс» (Центрально-Черноземный район, южные регионы Центрального района, часть Поволжья), в котором доля «левых» избирателей составляет 25—35% (от общего числа избирателей). Любопытно, что «красный пояс» в основном совпадает с территорией расселения южных великороссов и ареалом распространения южного наречия. Для этой

части России характерна и высокая степень укорененности населения. Речь, таким образом, идет об особом культурно-политико-географическом образовании.

В других районах России левый традиционализм характерен: на Северном Кавказе — для Ставропольского края, в Поволжье — для Саратовской и Волгоградской областей, на Урале — для Курганской и Оренбургской областей, в Сибири — для Алтайского края, на Дальнем Востоке — для Амурской области. Повышена, но не в такой степени, как в «красном поясе», доля левого электората в таких регионах, как Краснодарский край, Ростовская, Астраханская, Калужская, Омская, Читинская области. За последние годы сильно «полевела» Кемеровская область.

Русско-националистический электорат отличается особой географией, не совпадающей с географией повышенной популярности левых сил. Доля избирателей русско-националистической ориентации особенно велика в Псковской области. Существенно повышен этот показатель в Ставропольском крае, Ивановской, Калининградской, Рязанской, Смоленской, Читинской областях, которые могут считаться своеобразными «бастионами» русского национализма. Среди регионов, в которых русский национализм сравнительно популярен, есть также области Центральной России (Владимирская, Костромская и Тверская), Центрального Черноземья (Белгородская и Воронежская), Северного Кавказа (Ростовская область и Краснодарский край), Поволжья (Саратовская область), Зауралья и Сибири (Алтайский и Красноярский края, Курганская область), Дальнего Востока (Сахалинская область), Вологодская, Новгородская и Кировская области. Из автономий выделяются Республика Коми и Ненецкий АО. За последние годы величина русско-националистического сектора стала особенно большой на Дальнем Востоке — в Магаданской области и Приморском крае, в центрально-русских Тульской и Ярославской областях, в северной Мурманской области. В целом русский национализм оказывается наиболее характерен для северных и центральных районов России, а также для некоторых приграничных районов Южной России. Список этих регионов частично пересекается со списком самых «левых».

Наиболее крупным «оплотом» *либерально-реформаторского электората* является Москва. Именно в столице России доля этого сектора электорального поля наиболее велика в сравнении с другими

субъектами Федерации (около 25% всех избирателей). Высокая доля избирателей либерально-реформаторской ориентации традиционно характерна и для С.-Петербурга. Выделяется окружение двух крупнейших мегаполисов — Московская и Ленинградская области, регионы промышленного Урала — Свердловская, Челябинская и Пермская области, Севера Европейской части России — Мурманская, Архангельская и Вологодская области, Ярославская и Нижегородская области на Волге, в Сибири — Томская область, на Дальнем Востоке — Камчатская. К этой группе тяготеют Хабаровский край, Магаданская и Новгородская области, Корякский, Таймырский и Чукотский АО. В последнее время в группу лидеров либерально-реформаторского голосования вошли два западных региона — Карелия и Калининградская область.

К более или менее идеологизированному либерально-реформаторскому электорату примыкает *неидеологизированный электорат «партии власти»*, который делает рациональный выбор в пользу сложившейся экономической системы, позволяющей ему получать достаточно высокие доходы. Эти два электоральных слоя почти сливаются друг с другом, однако различия между ними есть: неидеологизированный электорат «партии власти» на парламентских выборах 1995 г. был склонен голосовать за НДР, тогда как либерально-реформаторский электорат предпочитал «Демвыбор России», «Яблоко» и другие либеральные движения. Если «чистое» либерально-реформаторское голосование характерно для столичной электоральной культуры, больших городов со значимой прослойкой интеллигенции и предпринимателей, то неидеологизированный электорат «партии власти» в большей степени сосредоточен в экспортно-ориентированных индустриальных центрах. Его доля особенно велика в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО. Голосование этого типа прослеживается во многих центрах ТЭК и металлургии.

Новым явлением за последние годы стал *контролируемый конформистский электорат*, который голосует за «партию власти» под влиянием местных политических лидеров и административного давления. Этот электорат характерен для национальных республик, в которых сельское население на выборах в массовом порядке поддерживает НДР и Б. Ельцина, что совершенно не характерно для сельского населения в русских районах. Показательно, что в большинстве этих районов титульное население на президент-

ских выборах 1991 г. голосовало за тогдашнего кандидата «партии власти» — Н. Рыжкова, а отнюдь не за «оппозиционера» Б. Ельцина. Анализ последних парламентских и президентских выборов показывает, что контролируемый электорат особенно велик в Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Татарстане и Туве. Феномен контролируемого конформистского голосования прослеживается также в Башкирии, Карачаево-Черкесии, Дагестане, Северной Осетии, Якутии, в небольшой степени — в Адыгее и Республике Алтай, а также в отдельных сельских районах с русским населением, в которых местные руководители пользуются очень большим авторитетом и влиянием.

«*Центристский*» электорат распространен в северных и восточных регионах страны, хотя его доля обычно весьма нестабильна. Выделяются северные автономные округа — Ненецкий, Эвенкийский, Корякский, Чукотский, Ямало-Ненецкий, Коми-Пермяцкий, к ним примыкают Еврейская АО, Якутия, Бурятия и Удмуртия. Стабильно повышенная доля «центристов» отличает Архангельскую, Новгородскую, Ярославскую, Ивановскую, Тюменскую, Омскую, Иркутскую, Читинскую области.

Показатели явки избирателей серьезным образом отличаются друг от друга в различных регионах. Есть регионы традиционно «активные» и, наоборот, «пассивные». К числу субъектов Федерации с высокой долей *абсентеистского электората* относятся Таймырский (Долгано-Ненецкий), Ханты-Мансийский АО, Пермская, Свердловская, Кемеровская, Иркутская, Читинская, Сахалинская, Магаданская, Камчатская области, Приморский край, Республика Коми, Удмуртия, Хакасия (от 40% абсентеистов и выше). Наиболее пассивен, если сравнивать итоги всех кампаний последних лет, Ханты-Мансийский АО. Все эти регионы, как правило, расположены на Севере или за Уралом, их отличает высокая доля городского населения. Сравнительно пассивны Москва и С.-Петербург. Из южных регионов своим абсентеизмом выделяется Краснодарский край. Доля абсентеистов не столь высока, как в предыдущей группе, но обычно выше среднероссийской в Карелии, Туве, Архангельской, Вологодской, Астраханской, Нижегородской, Тюменской, Томской областях, Еврейской АО, Красноярском и Хабаровском краях, Эвенкийском, Ямало-Ненецком АО.

Любопытные особенности имеют основные региональные различия в динамике голосований 1991—1996 гг. Если сравнивать пре-

зидентские выборы 1991 и 1996 гг., то наиболее значительный прирост левотрадиционалистского электората зафиксирован на большей части «красного пояса» от Брянска до Ульяновска и Чебоксар (кроме Смоленской и Тамбовской областей, где левотрадиционалистский электорат и в 1991 г. был весьма велик), особенно в Липецкой области. «Красный пояс» сформировался в основном в 1992 г. как реакция отдельных регионов на радикальные гайдаровские реформы. Более чем в полтора раза увеличился левотрадиционалистский электоральный слой и в ряде изначально самых «прореформаторских» регионов — в Челябинской, Нижегородской, Самарской областях, в меньшей степени — в Волгоградской области. Сокращение левотрадиционалистского электората в наибольшей степени затронуло северные регионы страны (снижение показателей более чем в два раза в сравнении с 1991 г. на Таймыре, в Эвенкии, Корякском АО, в полтора-два раза в Карелии, Республике Коми, Мурманской, Вологодской областях и т. д.).

Сравнение голосований на апрельском референдуме 1993 г. и во втором туре президентских выборов в 1996 г. дает ту же картину. В эти три года, как и за все пять лет правления Б. Ельцина, левотрадиционалистский электорат постоянно увеличивался в объеме в «красном поясе» и отдельных промышленных регионах типа Самарской, Нижегородской, Омской, Новосибирской областей, Красноярского края. В 1993—1996 гг. происходят заметные изменения на Дальнем Востоке: в Хабаровском и Приморском краях отмечается один из самых высоких показателей расширения левотрадиционалистского электората. Сдвиги в сторону оппозиции происходят и в не относящихся к «красному поясу» центрально-русских областях — Тульской, Владимирской и Ивановской. Напротив, самое существенное численное сокращение левотрадиционалистского электората в 1993—1996 гг. произошло в Ингушетии, Дагестане, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Туве, Северном районе — в Вологодской, Мурманской областях и Карелии (в меньшей степени в других регионах Северного района), а также в Москве и С.-Петербурге.

На этом основании можно сделать вывод о все большем усилении политического расслоения российских регионов на либерально-реформаторские и левотрадиционалистские (протестные), хотя пока еще мало где можно говорить об абсолютном доминировании тех или иных электоральных ориентаций. Речь, как и в случае региональной иден-

тичности, идет о слабо выраженных, но все усиливающихся тенденциях регионального развития.

Об абсолютном преобладании определенного электорального слоя и, соответственно, определенных ценностных ориентаций можно говорить лишь относительно небольшой группы российских территорий. На парламентских выборах 1995 г. суммарная доля избирателей, голосовавших за партии и движения левой ориентации, от общего числа избирателей превысила 50% лишь в 73 районах (за вычетом республик), расположенных в 19 краях и областях. По числу таких районов выделялись Орловская область (11), Алтайский край (10), Кемеровская (9), Ульяновская (6), Белгородская, Пензенская, Тверская (по 5), Тамбовская (4) области. Здесь можно определенно говорить об абсолютно доминирующей левой ориентации местного населения. На остальной территории России (без республик) ни один из электоральных слоев не составляет более половины населения.

Рассмотрим региональные политические культуры, которые формируются в регионах России. Результаты голосований в региональном разрезе объясняются действием большой группы факторов, которые описаны в специальных исследованиях. К числу основных относятся фактор социально-экономических условий, отраслевой фактор, национальный фактор, а также факторы, выделяемые в теории электоральной географии, — эффект друзей и соседей, проблемное голосование, эффект избирательной кампании, эффект соседства. Для нашего исследования важно выделить территориальные расколы, которые вскрываются во время выборов. Основными на электоральной карте России являются расколы «город — село», «Центр — периферия» и «Север — Юг».

1. *Раскол «город — село».* Хорошо выражена корреляция результатов левотрадиционалистского и либерально-реформаторского голосования с показателем урбанизации (доли горожан в населении). *Для русской политической культуры голосование во многом объясняется принадлежностью избирателей к городской или сельской электоральной культуре.* В городах существенно выше доля либерально-реформаторского электората и в целом электората «партии власти», на селе — левотрадиционалистского и в целом протестного.

Уровень жизни и социально-экономическая ситуация в регионе — лишь один из многих факторов электорального поведения, и

он не всегда срабатывает. Основные вопросы современных российских выборов: с какими политическими силами избиратели связывают надежду на выход страны из кризиса, какие ценности близки избирателям вне прямой зависимости от их нынешнего материального положения. Отсюда проистекает разделение на традиционалистскую сельскую культуру и либерально-модернизационную городскую.

2. *Раскол «Центр — периферия».* Анализ электоральной статистики на уровне административных районов и населенных пунктов вскрывает серьезные внутрирегиональные различия. Обращает на себя внимание тот факт, что крупные города формируют вокруг себя зоны электорального влияния, в которых доля левотрадиционалистского электората существенно ниже, чем в отдаленных районах и почти столь же низка, как в этих городах. Таким образом, пригородные сельские районы отличаются от периферийных более выраженным голосованием за «партию власти». Со своей стороны, малые и средние города, которые удалены от крупных центров, голосуют почти так же, как окружающие села, левый традиционализм для них характерен в большей степени, чем для таких же по размеру городов, входящих в большие агломерации. В каждом регионе формируется электорально-географическая картина типа «Центр — периферия», причем для «центрального» голосования особенно характерны высокая доля избирателей либерально-реформаторской ориентации и абсентеистов, низкая доля левотрадиционалистского электората. Обратная ситуация характеризует периферийные районы, будь то села или города. *Такие параметры, как удаленность от крупных центров (мегаполисов, административных центров, просто больших городов) и важнейших коммуникаций, обычно позволяют объяснять электоральное поведение в разных районах страны.*

3. *Раскол «Север — Юг».* Левотрадиционалистская культура не сводится к селу и присутствует в городах. Обычно она более характерна для городов, «выросших» из своего сельского окружения (как в Центральной и особенно Южной России), но не для новых городов, возникших на «пустом месте» в результате индустриализации и сопутствующей миграции населения из других частей страны (как на Севере и Востоке). Опросы показывают, что в городах больше склонны голосовать за оппозицию выходцы из сельской местности, горожане в первом поколении. С другой стороны, не все

села оказываются оплотами оппозиции: на Севере, Северо-Западе (например, в Новгородской области), в Центре (Ярославская, Ивановская, Владимирская, Московская области) и в окружении крупных городов ситуация может быть обратной. Замечено, что к поддержке оппозиции больше склоняется село, где население занято именно сельским хозяйством, тогда как северные сельские районы с развитым лесным хозяйством предпочитают коммунистам националистов, а при биполярном голосовании склоняются к «партии власти».

Объяснение политико-культурного расслоения российских регионов может быть социокультурно-историческим. Речь идет о формировании в России, во-первых, городской и сельской политических культур, во-вторых, множества региональных политических культур. Последние не сводятся только лишь к «центральной» или «периферийной», «северной» или «южной», многие из них уникальны и присущи только данной территории с ее особой историей и составом населения. Каждая из региональных политических культур имеет свои ценностные ориентации. *Деление российской территории на региональные политические культуры — сложнейшая и самая важная задача электоральной географии, которая пока не решена ни в одном исследовании*²¹. Но сравнительный анализ голосований на уровне административных районов и городов уже позволяет определить основные идеально-типические электоральные культуры (или хотя бы типы голосований). Ясно, что деление российской политической культуры на городскую и сельскую, центральную и периферийную является лишь первым приближением.

Например, среди городских электоральных культур можно выделить столичную культуру. Для нее типична низкая явка избирателей в сочетании с высокой популярностью либерально-реформаторских сил и «партии власти». Для столичной культуры характерно отторжение ЛДПР как «маргинальной» партии. В протестном электорате довольно сильны позиции КПРФ, но доля избирателей компартии обычно очень мала. Большим влиянием пользуются «традиционные демократы». Столичная культура характерна для мегаполисов, городов с населением свыше миллиона жителей — Москвы, С.-Петербурга, Екатеринбурга, Перми, Нижнего Новгорода. В эту группу добавляются многие административные центры российских регионов, которые не просто имеют

столичный статус в рамках своих регионов, но и отличаются столичным типом голосования. Прежде всего это относится к административным центрам северных и зауральских регионов (Архангельск, Мурманск, Томск, Петропавловск-Камчатский). Столичный тип голосования не характерен для административных центров «красного пояса», где развиты прокоммунистические настроения.

Несколько иными оказываются электоральные предпочтения средних по размерам промышленных центров, не являющихся административными центрами. Можно говорить о полупериферийных типах городского голосования, для которых характерна относительная в сравнении с центрами (но не преобладающая) оппозиционность. Явка избирателей обычно выше, чем в столицах. Характерно, что в городах, которые можно отнести к полупериферии, укрепляет свои позиции А. Лебедь, для которого средние и малые города становятся основной электоральной базой. Правда, в отдельных полупериферийных центрах имеют влияние коммунисты, но их немного. Прежде всего это индустриальные центры Кузбасса. Довольно развитыми прокоммунистическими настроениями отличаются некоторые крупные и средние промышленные центры Юга России — Мичуринск, Елец, Энгельс и др., а также отдельные областные центры, для которых не характерна столичная культура (Орел, Брянск).

Анализируя электоральные различия между городами, можно увидеть существенные различия между городами Севера и Юга России. Поэтому говорят о северном и южном типах городского голосования. Для северных городов (имеется в виду не только Север Европейской части России, но и Урал, Сибирь, Дальний Восток) характерны низкая явка избирателей, слабые позиции КПРФ. При биполярном голосовании они отдают явное предпочтение «партии власти». При многополюсных голосованиях успеха добиваются национал-патриоты, а также «центристские» блоки типа «Женщин России», Партии самоуправления трудящихся. Так, в 1995 г. на парламентских выборах ЛДПР лидировала в Воркуте, Сыктывкаре, Вологде, Соликамске, Нижневартовске, Усть-Илимске, Чите, Магадане. На президентских выборах наилучшие показатели А. Лебедя были связаны с городами Мурманской области, нефтедобывающими центрами Ханты-Мансийского АО с наиболее сложной социально-экономической ситуацией (Нягань, Урай). Во втором туре

президентских выборов северные города активно поддержали действующего президента, поскольку для них характерен антикоммунизм. Протестный электорат в северных городах часто не отобилизован из-за слабости оппозиционных партий и СМИ, т. е. отсутствия «центра кристаллизации», отсюда и низкая явка.

Для южных городов характерны достаточно развитые прокоммунистические настроения. Здесь не столь разнообразны избирательские предпочтения, выбор обычно делается между партиями-лидерами — КПРФ, ЛДПР, НДР. Популярность «Яблока», как правило, низка (хотя есть исключения на Северном Кавказе). При биполярных голосованиях «партия власти» в большинстве случаев одерживает победу, но ее преимущество чаще всего невелико. Яркими примерами голосования такого типа служат Белгород, Воронеж, Ставрополь. Южные города по своим электоральным ориентациям приближаются к сельской культуре, в то время как чисто городской тип голосования более характерен для северных городов (хотя и на Юге есть «нестандартные» города с большой поддержкой либерально-реформаторских сил и низкой явкой избирателей, например, приморские Новороссийск и Сочи).

Различные типы голосований отмечаются и на селе. Характерные черты сельской электоральной культуры — высокая явка, очень развитые протестные настроения, большая популярность коммунистов, низкое разнообразие избирательских ориентаций — типичны для южного села. Здесь полностью отторгаются «традиционные демократы», «лояльный» электорат в 1995 г. голосовал за НДР. Преобладающий протестный электорат склоняется к поддержке КПРФ и ЛДПР, местами — АПР. В. Жириновского постепенно вытесняет А. Лебедь. Во втором туре президентских выборов Г. Зюганов пользовался экстремально высокой популярностью как раз в сельских районах Юга России. Более 80% голосов лидер КПРФ получил в родном Знаменском районе Орловской области, Петропавловском и Подгоренском районах Воронежской области, Хлевенском районе Липецкой области и Уваровском районе Тамбовской области. Таким образом, голосование сельского типа ярче всего проявляется в периферийных сельских районах «красного пояса» на юге России.

Сельское голосование северного типа характерно для Северного, Северо-Западного районов, сельских районов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Здесь, как правило, не столь высока явка изби-

рателей, популярность коммунистов заметно ниже, чем на Юге. Зато, если брать ситуацию 1995 г., неплохо котируются националисты (ЛДПР), умеренные левые (АПР) и «центристы» («Женщины России»). При биполярных голосованиях северные села склоняются к «партии власти». Такое голосование характерно прежде всего для сельских районов, в которых аграрное производство не является основным, т. е. для районов, специализирующихся на лесном хозяйстве. Но и аграрные районы Русского Севера (Вологодская область) отличаются похожими электоральными ориентациями. На парламентских выборах 1995 г. было заметно, что в некоторых областях северные лесные районы склоняются к ЛДПР, а южные аграрные — к КПРФ (Кировская, Омская, Иркутская области). Влияние В. Жириновского ощущалось в периферийных сельских районах Сибири даже на президентских выборах 1996 г. (Тюменская, Новосибирская, Читинская области, Приморский край).

Своя специфика характерна для пригородных сел, расположенных в окружении крупных городских центров. Они часто копируют городской тип голосования, в них ниже, чем в других селах, явка и оппозиционность прокоммунистического типа. Здесь ощущается влияние городской культуры, тем более что значительная часть местных жителей работает в городе и не занимается сельским хозяйством. В пригородах сравнительно популярна «партия власти», сравнительно непопулярны коммунисты, и среди протестного электората во многих регионах лидером стал А. Лебедь.

Наконец, существует тип сельского голосования, который можно назвать республиканским. Он характерен для сельских районов с высокой долей титульного населения. Эти районы демонстрируют свой конформизм и под влиянием местных властей голосуют за федеральную «партию власти». Голосование напрямую зависит от авторитета местной власти.

Новым процессом стало появление «смешанной» регионально-идеологической идентичности. Самым ярким примером является понятие «красный пояс», используемое в отношении левоопозиционных регионов Центрально-Черноземного, Центрального и Поволжского районов. Эти регионы обладают своей культурной идентичностью, на которую наложилась идентичность политико-идеологическая. В результате «красный пояс» стал своеобразной, хотя и не общепризнанной идентификацией. Опрос, проведенный в ряде районов Воронежской области в феврале 1997 г. (ЦСИ МГУ),

показал, что 30,6% респондентов позитивно относятся к тому, что Воронежскую область называют «красным поясом» (37,9% ответили, что им это безразлично, и только 15,7% заявили, что для них это неприятно).

* * *

Анализируя типы голосований и их причины, можно выделить индивидуальные региональные политические культуры России, например, «красный пояс» (аграрные регионы Центрально-Черноземного района и юга Центрального района, отличающиеся прокоммунистическими настроениями, патерналистски-конформистской политической культурой), нефтегазодобывающие центры Тюменской области, сельские районы Русского Севера и т. д. Далеко не во всех регионах России можно говорить об определенных особенностях политической культуры и доминировании той или иной электоральной ориентации. В подавляющем большинстве случаев речь идет о смешанной электоральной культуре, а различия между территориями связаны с разными пропорциями, в которых сочетаются основные электоральные сегменты. Межрегиональные различия для большинства регионов не столь велики, но происходит углубление этих различий. Выделились электорально-географические ядра с ярко выраженным преобладанием определенной системы политических ценностей — «красный пояс», Москва и другие столичные центры и др. Остальная часть России остается рыхлым, слабо расчлененным пространством, но процесс политико-идеологического самоопределения территорий развивается, в том числе благодаря выборам губернаторов и глав местного самоуправления. В результате на региональную идентичность накладывается политико-идеологическая, которая чаще всего бывает левотрадиционалистской.

Заключение

Региональная идентичность становится важным фактором российского политического процесса. В стране нарастает регионализация общественного сознания, которая стимулируется процессами, происходящими как в Центре, так и в регионах. Формируется несколько типов региональной идентичности:

1. Республиканская идентичность, которая характерна для титульных этносов республик и явно доминирует над общероссийской.

2. Наднациональная республиканская идентичность, объединяющая титульный народ, русское население и другие народы, проживающие в республиках.

3. Русская региональная идентичность, которая привязывается к субъектам Федерации и пока является двойной, т. е. сочетается с общероссийской идентичностью (процесс идет в сторону усиления региональной составляющей, и в ряде регионов уже развивается «русский сепаратизм»).

4. Русская региональная идентичность, которая связывается с субэтническими общностями (пока речь идет о казачестве, но в будущем возможно обособление северной, южной, московской и других групп, приближающихся к субэтническим).

5. Русская региональная идентичность, привязанная к крупным географическим общностям (например, Сибирь).

6. Регионально-идеологическая идентичность, которая определяется политико-идеологической, электоральной ориентацией регионов.

В настоящее время в русских регионах постепенно происходит формирование региональной идентичности и развитие местного патриотизма. Этому в немалой степени способствует деятельность властной и интеллектуальной элиты. Анализ процессов, происходящих в российских регионах, показывает, что факторы, способствующие развитию регионального самосознания, продолжают действовать. Можно ожидать, что региональная составляющая в российской и русской идентичности через некоторое время станет более значимой, чем сегодня, когда можно говорить только о наметившейся тенденции и эксплуатирующих ее элитных группах.

Примечание

¹ Лившиц А. Я., Новиков А. В., Смирнягин Л. В. Региональная стратегия России // Регион. политика. — 1994. — № 6. — С. 3—24.

² Русские: Историко-этнографический атлас. — М., 1967.

³ Букринская И. и др. Язык русской деревни: Школьный диалектологический атлас. — М.: АО «Аспект-Пресс», 1994; Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. — М., 1970.

⁴ Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. — М.: Ин-т наследия, 1998.

⁵ Источник данных о доле местных уроженцев в населении регионов России: Политический альманах России 1997 / Под ред. М. Макфола и Н. Петрова; Моск. Центр Карнеги. — Т. 2: Социально-политические портреты регионов. — М., 1998. — 552 + 544 с.

⁶ Политические процессы в регионах России / Под ред. Р. Ф. Туровского. — М.: ЦПТ, 1998.

⁷ Результаты социологических исследований ЦСИ МГУ любезно предоставлены автору руководителем центра С. Тумановым.

⁸ Осенний кризис 1998 года: российское общество до и после. — М.: РНИСиНП, РОССПЭН, 1998. — С. 82.

⁹ Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика / Ин-т этнологии и антропологии РАН. — М., 1995.

¹⁰ Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюл. — 1995. — № 7. — Ноябрь. — С. 48—49.

¹¹ Карнышев А. Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 1997. — С. 158.

¹² Давыдова Н. М. Понимание демократии населением российских регионов и их готовность принять рыночную трансформацию. Доклад РНИСиНП, 1998.

¹³ Вообще понятие «губернатор» стало символизировать рост самосознания региональной элиты. Большое, даже преувеличенное внимание уделялось внесению изменений в местное законодательство, в соответствии с которыми первое лицо области стало называться губернатором, а не главой администрации (комизм ситуации заключается в том, что в императорской России губернатор не был выборным лицом и встраивался в жесткую властную вертикаль). Аналогичные процессы происходили на городском уровне. Причем помимо иностранного слова «мэр» для обозначения главы местного самоуправления стали использовать понятия «городской голова» (Калуга), «градоначальник» (Петропавловск-Камчатский) и даже «посадник» (Новгород).

¹⁴ В 1990 г. в Томске был создан Союз объединения Сибири, выступавший за создание Сибирской республики. В работе организации принимали участие представители Томска, Красноярска, Новосибирска, Тюмени и Кузбасса. Заявила о себе Сибирская народная партия (Сибирская партия независимости) из Красноярска. Идеи областного движения были популярны среди активистов Томского народного движения и комитета «Сибирь» (1989—1991 гг.).

¹⁵ В 1990 г. во Владивостоке были организованы Дальневосточная республиканская партия и Дальневосточная республиканская партия свободы, созданные радикальными демократами.

¹⁶ Причем за «почетное» звание «русского Детройта» с Нижним Новгородом стал конкурировать Тольятти.

¹⁷ Казаки Мурмана, Обско-Полярной линии (Ямал), Камчатское войско и т. п.

¹⁸ Анекдотическим случаем стало празднование в Нижегородской области 1000-летия русской ложки.

¹⁹ Колосов В. А., Криндач А. Д. Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России // Полис. — 1994. — № 6. — С. 120—127.

²⁰ Колосов В. А., Туровский Р. Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // Полис. — 1996. — № 4. — С. 33—46.

²¹ Журавлев А. Н. Некоторые особенности пространственной дифференциации русской политической культуры (на примере Псковской области) // Изв. Рус. геогр. о-ва. — 1992. — Т. 124. — Вып. 6; Зубов А. Б., Колосов В. А. Что ищет Россия? (ценностные ориентации российских избирателей 12 декабря 1993 г.) // Полис. — 1994. — № 1. — С. 93—112.

ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ И РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ: ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЧЕРЕЗ ВЫБОРЫ

Борис МАКАРЕНКО

С точки зрения консолидации демократического режима главная проблема эволюции массового сознания состоит в том, насколько общество оказывается способно влиять на политический процесс, насколько оно информировано и рационально в своем политическом поведении. Для оценки этой эволюции особенно важно оценить такую форму участия массы населения в политике, как голосование на общероссийских и региональных выборах.

Неудачи реформаторов в политике и экономике, очевидная слабость гражданского общества и партийной системы, неблагоприятное положение с правами человека дали повод многим отечественным и зарубежным исследователям констатировать провал процесса демократизации. Россию стали называть «нелиберальной демократией» или «делегированной демократией», которая «обречена на вращение в порочном круге»¹. Однако такие пессимистические взгляды представляются чересчур категоричными и поспешными именно ввиду недооценки роли института свободных демократических выборов на этапе перехода к демократии. Эта роль признается стержневой в теории «третьей волны демократизации» С. Хантингтона: «демократия означает не то, что проблемы будут успешно решаться, а то, что правителей можно смещать»².

Естественно, при такой постановке проблемы выборы становятся главным ограничителем для власти и главным инструментом воздействия общества на политику. Цель настоящей статьи — на основе анализа электоральной статистики и данных количественных и качественных социологических исследований проследить отношение массового сознания к основным процедурам и институтам становящейся демократической политики.